

В О С Т О К

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

К Н И Г А П Я Т Я Я

**„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1925 г. — ЛЕНИНГРАД**

Л Я О Ч Ж А Й

ТАЛАНТЫ КИТАЙСКОГО СУДЬИ

Проповедь Конфуция, ищущая установления на земле царства справедливости, выдвинула два идеала: идеального царя, как воплощающего в себе „путь“, путь абсолютной правды, и идеального правителя людей — царского помощника, носителя и проповедника того же „пути“ (дао), той же правды.

Этот идеальный человек, „царь человек“ (цзюнь-цзы), получается — учил Конфуций — из обыкновенного человека таким путем. В основе своей человеческая природа абсолютно добра. Но воспитание в неподходящих для истинного человека условиях разобщает ее с ее вековым источником и уклоняет в ложь и фальшь. Тогда носитель правды, учитель людей (второй Конфуций), извлекает из древних книг, в которых извечная правда говорит устами древних, непререкаемо совершенных людей, их заветы, показывает их ученику, заставляет его проникаться каждой буквой этой основной человеческой мудрости, — и формирование, образование достойного человека завершено.

Зная из абсолютного начала, проповеданного в изученных им „основах“ (цзин), т. е. книгах литературного предания, что есть вечная правда („путь“) и что — отклонение от нее, полученный таким путем человек есть зеркало объективной совести и, значит, судья людей, правитель их.

Подготавливая таким образом судей и правителей, конфуцианство, как и следовало ожидать, погрешило в идеализации человеческого начала в человеке. Вместо идеального судьи, прошедший на экзамене „основ“ карьерист быстро превращался в лихоимца и насильника.

Китайская народная мудрость часто знает такого правителя, ибо таких было постоянное, жизненное большинство. И вот, разворачивается известная всякому, мало-мальски знакомому с китайским бытом — хотя бы понаслышке — человеку картина устрашающего насилия и произвола. Чего стоят одни китайские пытки: изображенные для удовлетворения праздных европейцев самими же китайцами и нашедшие себе уродливое до отвращения искажение в знаменитом романе Мирбо „Сад пыток“, по которому, впрочем, можно составить себе мнение о Китае столь же справедливое, сколь и о всякой другой стране. Что, если бы о современной СССР судили хотя бы по роману Мережковского „Петр и Алексей“, рисующему с талантливым проникновением процесс сажания на кол?

Однако идея достойного правителя, „отца и матери народа“, не погибала ни в китайском народе, ни в самом китайском судье. Хороший, добрый человек попа-

дался, хотя бы изредка, и на троне правителя области, самодержавие которого было чисто сатрапским. Тогда он действительно оправдывал свое назначение, и память о таком правителе жила в народе из поколения в поколение.

Рассказы Пу Ляочжяя (1622 — 1715), впервые переведенные здесь на русский язык, рисуют картину умного следователя, и переводчик не дает своей статье заголовка в роде „Китайские Холмсы“ единственно во избежание банального сопоставления.

ГУБЕРНАТОР ЮЙ ЧЭНЛУН ¹⁾

(Рассказ первый)

Губернатор Юй Чэнлун, ревизуя ведомство, прибыл в укрепление на почтовом тракте, называемое Гаюю. Его приезд совпал со следующим происшествием. В одной местной знатной семье собирались выдать замуж девушку. Приданое было самое великолепное. Ночью воры проникли в дом, проломав стену, и утащили все, словно — как говорится — скатав в рогожку.

Местный правитель не знал, что делать. Тогда генерал приказал, чтобы все ворота города были заперты, но для прохода оставлены лишь одни ²⁾, в которые он велел свободно впускать и выпускать людей. Пристав должен был караулить ворота и строго обыскивать всякую поклажу и ношу.

Затем генерал обратился ко всему населению города с увещанием ³⁾ вернуться по домам и ждать завтрашних обысков, на предмет обязательного отыскания украденных вещей.

В то же время он шепнул приставу, чтобы — в случае, если какой-нибудь человек войдет и выйдет через ворота дважды, — чтобы он его сейчас же схватил.

После полудня пристав задержал каких-то двух людей, у которых, однако, никакой при себе поклажи не оказалось.

— Они-то самые воры и есть, — сказал генерал.

Оба задержанные протестовали и все время доказывали свою невиновность. Тогда генерал велел раздеть их и обыскать.

¹⁾ Губернатор, о котором здесь речь, в конце XVII века пользовался большой известностью вообще, и особенно при дворе одного из умнейших царей Китая, Канси (1662 — 1723), который выказывал ему всяческое расположение, подарил ему даже собственноручно составленные и написанные стихи, в которых, между прочим, писал так:

...Влиянье царя начинается в селах и весях, —

Замок к нему, ключ держит мой важный министр.

²⁾ Из четырех, обычных для небольшого города.

³⁾ Они писались легкими, доступными пониманию народа, короткими фразами в 4 слова.

Оказалось, что у них в халатах было вдето по две смены женских платяев, и как раз тех самых, что были в украденном приданом.

... Они - то самые воры и есть, — сказал генерал.

Воры, оказывается, испугались, что на следующий день будет общий обыск, и поторопились с переноской вещей в другое место.

А так как вещей было много, и, следовательно, перенести их было трудно, то они надели их на себя поплотнее и стали выносить почаще.

ГУБЕРНАТОР ЮЙ ЧЭНЛУН

(*Рассказ второй*)

Когда наш генерал был еще лишь начальником фу ¹⁾, он заехал как-то в город, подведомственный его соседу по управлению. Ранним утром, проезжая по предместью, он видит, что двое каких-то людей несут на постели больного. Больной был накрыт большим одеялом. На подушке были видны волосы, в которые была воткнута булавка с фигурой феникса ²⁾. Женщина лежала на постели боком, а с обеих сторон рядом с нею шли четверо дюжих мужчин, которые поочередно подходили и руками охватывали одеяло, подтискивая его под тело больной, из опасения, повидимому, что ей дует.

Через некоторое время ношу спустили у дороги и дали теперь нести ее смене, также из двоих людей. Проследовав мимо них, генерал послал одного из слуг вернуться и допросить их.

— Это наша сестра, — был ответ, — она при смерти, и вот мы ее несем к мужу.

Генерал, проехав еще два-три ли ³⁾, снова послал слугу вернуться и посмотреть, в какую деревню они вошли. Слуга пошел за ними по пятам. Видит, что они дошли до какой-то деревни и что их встретили и ввели к себе двое каких-то мужчин. Слуга пошел и доложил обо всем этом генералу. Тогда генерал обратился к правителю этого города с вопросом, не было ли в городе грабежа.

— Не было, — отвечал правитель.

Дело в том, что в ту пору с чинопроизводством было строго, и поэтому как высокие чины, так и мелкие служащие скрывали случаи грабежа, так что о грабежах с убийством молчали даже потерпевшие от них, не смея никому ничего сказать. Генерал, заняв помещение в гостинице, велел одному из домашних слуг расспросить вокруг поподробнее.

Оказалось, что, действительно, в городе одна богатая семья подверглась нападению дюжих грабителей, которые замучили жертв каленым железом насмерть.

¹⁾ Т. е. департамента губернии.

²⁾ Т. е. женская прическа.

³⁾ Ли — около полуверсты.

Генерал велел позвать к себе сына этой семьи и стал расспрашивать о том, как все это случилось. Сын потерпевших упорно не признавал грабежа.

... Четверо дюжих мужчин подтискивали одеяло под тело больной.

— Я, видишь ли, — сказал тогда генерал, — уже подумал о тебе и поймал здесь крупных грабителей. Ничего иного у меня и в мыслях нет.

Тогда сын упал генералу в ноги и стал слезно умолять о разрешении ему смыть обиду за погибших.

Генерал въехал в город и направился к правителю для свидания с ним. После этого отрядили сильных служителей, и те ранним утром прямо направилась в указанный им сельский дом, где и захватили восемь человек. При первом же допросе все сознались в грабеже.

— А кто ж у вас был больной женщиной? — поинтересовался генерал.

Разбойники показали, что в ту самую ночь они были в притоне разврата, где и уговорились с одной из девиц, что они положат серебро на кровать, а она будет его держать в охапке вплоть до прибытия в гнездо. Там и поделили.

Все выражали свое восхищение сверхчеловеческою прозорливостью генерала.

— Как только вы могли все это дознаться? — поинтересовался кто-то.

— Это очень легко было уразуметь, — ответил генерал, — да только люди не обращали внимания. Подумайте, — ну как могло стать, чтобы молодая женщина, лежа на постели, позволяла кому-либо запускать руку под одеяло? Потом, — они шли, переменяя плечи. Значит, было очень тяжело. Затем они, скрещивая руки ¹⁾, берегли ношу. Значит, там что-то было. Наконец, если прибывает больная женщина, лежащая в беспмятстве, то уж обязательно найдется женщина же для ее встречи у самых ворот. А видны были только мужчины, которые, притом же, ни звуком не выказали ни тревоги, ни интереса. Вот почему я с уверенностью знал, что это грабители.

КАК ОН РЕШИЛ ДЕЛО

На запад от уездного города был горный хутор. Один торговец был кем-то убит на дороге, а через ночь покончила с собой его жена. Брат торговца пошел с жалобой к судье, которым в это время в Цзычуани был Би Ичжи. Судья лично явился на место для освидетельствования и, увидев, что в холщевой обертке было

¹⁾ Не отнимая рук.

еще цяней пятъ серебра, и что она лежит у поясницы убитого как и лежала, понял, что убийство совершено не из-за денег.

Велел схватить соседей и старост из двух ближних деревень и допросил их, но нитей было чрезвычайно мало. Не стал их бить, а отпустил по домам. Велел лишь понятым внимательно присматриваться и делать ему доклады о своих наблюдениях раз в десять дней. Дальше этого не пошел.

Так прошло, пожалуй, полгода. Дело стало понемногу затушевываться и внимание к нему слабеть. Брат торговца, раздосадованный мягкостью и снисходительностью достопочтенного Би, поднялся к нему в канцелярию и стал буйствовать. Би разгневался.

— Послушай ты, — закричал он, — раз ты сам не можешь в точности указать мне на виновника этого преступления, то как же ты хочешь, чтобы я надел на честных людей орудие пытки?

Накричав на него, прогнал прочь. Брату убитого жаловаться далее было некому. Полный ярости, он бросился теперь хоронить сноху ¹⁾...

Однажды, когда должно было разбираться дело арестованных податных недоимщиков, в залу суда ввели несколько человек. Среди них оказался один, некий Чжоу Чэн, который, боясь наказания, попросил слова и заявил, что у него на покрытие недоимки средств, пожалуй, хватит. С этими словами он снял с пояса мешочек с серебром, подал его, стоя на коленях, правителю и просил проверить. Тот проверил.

— А из какой ты деревни? — поинтересовался Би.

— Из такой-то, — отвечал подсудимый.

— А от Западных Скал твоя деревня далеко?

— Да ли пять-шесть будет!

А какое к тебе отношение имел убитый в прошлом году торговец такой-то?

— Такого не знал.

Правитель сделал гневное лицо.

— Ты убил его, а говоришь, что не знал! Это еще что?

Чжоу решительно отрицал и спорил с правителем, но тот не стал слушать, а велел крепче его зажать в колодки, и, действительно, Чжоу в преступлении сознался.

Дело, оказывается, было так. Жена торговца, урожденная Ван, собралась навестить родственников. Но у нее не оказалось головных украшений ²⁾ и больших булавок для закалывания волос. Ей

¹⁾ Китайский обычай не требует немедленных похорон.

²⁾ Очень фантастических и сложных порой у нарядной китайской дамы, но и у простой женщины также не отсутствующих.

было совестно показаться без этого в люди, и она все время при- ставала к мужу, чтобы тот занял булавку у соседа. но муж не соглашался это сделать. Тогда она заняла сама и, обращаясь с булавкой, как с крупной драгоценностью, на обратном пути сняла ее и завернула в мешочек, который сунула себе в рукав.

Дома она хватилась, стала искать — булавка пропала. Сказать мужу не посмела. Возместить соседке стоимость не могла. От досады хотела покончить с собой.

Как раз в этот день Чжоу нашел булавку и, узнав, что ее обронила жена торговца, укараулил, когда муж ее куда-то ушел, перелез ночью через стену с тем, чтобы, предъявив ей булавку, потребовать соития.

В это время стояли жары... Было парно и душно... Ван лежала во дворе. Чжоу подобрался к ней и стал блудить. Ван проснулась и громко закричала. Чжоу быстро усмирил ее, отдав мешочек и предъявив булавку.

Когда он добился своего, Ван сказала ему серьезным тоном.

— Больше ты не приходи! Мой муж — человек злой. Застанет нас — боюсь: обоим будет смерть!

Чжоу рассвирепел.

— Как? — вскричал он, — неужели, по-твоему, за один единственный раз я должен тебе отдать все, что держу сейчас в руках?.. Ведь здесь столбко, сколько хватит на несколько ночей в веселом доме!

— Да я не то, чтобы не хотела связи с тобой, — сказала Ван примирительно, — но, видишь ли, муж мой часто хворает... Так что не лучше ли повременить, подождать, пока он умрет?..

Чжоу ушел от нее, убил торговца. Ночью явился к ней и сказал:

— Сегодня кто-то твоего убил... Изволь исполнить наш уговор!

Услыхав эту новость, Ван зарыдала. Чжоу испугался и бросился бежать.

Когда рассвело, жена торговца была найдена мертвой.

Произведя дознание и обнаружив все это, наш достопочтенный Би предал Чжоу заслуженной им казни.

Все восхищались сверхчеловеческой прозорливостью Би, не понимая, как мог он все это разглядеть.

— Ничего трудного в этом деле не было, — говорил Би в ответ на подобные речи. — Важно в таких случаях обращать внимание на все, с чем сталкиваешься. Когда я осматривал труп, я заметил, что на мешке для серебра вышит узор знака *Вань* ¹⁾. На мешочке

¹⁾ Вид сплошного параллельного узора

у Чжоу было точно то же. Это было, значит, делом одних и тех же рук. Затем я стал его допрашивать, а он говорит, что у него

... Я заметил, что на мешке для серебра вышит узор знака *Вань*.

с торговцем не было никакого знакомства. Говорит, а у самого голос и лицо так и меняются... Тут я уже определенно видел, в чем дело!

Автор этих „Странных Историй“ ¹⁾, скажет здесь так. В нашем мире, если не отложишь решения уголовного дела подольше, — глядишь, и запутал, ввязал несколько десятков человек, все смешав в кашу.

Заревут в зале суда „мясные барабаны“ ²⁾, смешаются в вой ахи и охи, а он ³⁾ с печалью на губах говорит:

„Вот как я всю душу отдаю, трудясь для народа!“

Но стоит пробить трем ударам ⁴⁾, как женщины, певицы, разом к нему подойдут. И тогда он в уме своем и заботе даже трудных дел больше не держит. Он ждет только часа, когда надо идти в присутствие, где он будет, как говорится, „губить тутовое дерево, чтобы палить древнюю черепаху“ ⁵⁾.

Увы, — душу-то народа где такому человеку приобрести?

ПОТОРОПИЛИСЬ ⁶⁾

В нашем уездном городе жил некто Ху Чэн, вечно ссорившийся со своим односельчанином Фын Анем. Оба Ху — сын и отец — были силачи. Фын всячески извивался и подлаживался, но Ху ему не доверял.

Однажды они сидели вместе за вином и порядком захмелели. Стали хвастать своею храбростью.

— Нечего, — говорил Ху, — мне горевать о бедности... Хоть сотню лан ⁷⁾, и то нетрудно достать!

Фын, зная, что у него дома не густо, сидел и посмеивался. А Ху заговорил вдруг всерьез.

— Нет, правду тебе говорю... Вчера я на дороге встретил богатого купца, который ехал сюда с большой помлажей. Я его, знаешь, скovyрнул в заброшенный колодец у Южных Гор.

Фын стал опять трунить.

А в это время у Ху жил муж его сестры, некий Чжэн Лунь, который просил Ху приобрести для него землю, и поэтому держал в доме Ху

¹⁾ Т. е. Ляо Чжай.

²⁾ Т. е. истязуемые в пытке.

³⁾ Плохой, обычный правитель.

⁴⁾ Час конца присутствия.

⁵⁾ Т. е. губить невинного, чтоб обвинить такого же. Из анекдота об одном человеке, сообщившем секретный разговор тутта с черепахой деловитому генералу, который не пожалел погубить это драгоценное дерево на приготовление вкусной, редкой пищи из черепахи.

⁶⁾ В оригинале рассказ назван иначе: „Решает дело“ (рассказ второй).

⁷⁾ Сумма для крестьянина очень крупная (около 150 руб.).

несколько сот лан. И вот, Ху берет эти денбги, тащит их в комнату, где они сидели, и ослепляет Фына своим богатством. Фын поверил.

Распрощавшись с хозяином, Фын тайно донес об этом уездному начальнику. Достопочтенный Би ¹⁾ велел схватить Ху и стал на очной ставке с Фыном его допрашивать. Ху тогда сказал всю правду. Начальник допросил Чжэна, а равным образом и владельца той земли, к которой он приценивался: ошибки не было. После этого в присутствии всех был произведен осмотр заброшенного колодца. Один из служителей спустился по веревке вниз, и, действительно, там оказался труп без головы.

Ху был сильно потрясен, но ничего не мог сказать в свое оправдание, и твердил лишь о злом навете. Начальник, вскипев гневом, ударил его по лицу раз десять и сказал:

— Вот ведь подлинное свидетельство твоего преступления... Это еще назовешь напраслиной?

И посадил его в тюрьму на режим смертников. Труп же запретил вытаскивать и только объявил по всем деревням, чтобы родные убитого сообщили властям.

Через день после этого является женщина и приносит письменное заявление о том, что она жена убитого, некоего Хэ, который, имея при себе несколько сотен лан серебра, ушел из дома по торговым делам и был этим самым Ху убит.

— В колодце, — сказал начальник, — есть, действительно, мертвый человек, но боюсь, что это не обязательно твой муж!

Женщина упорно твердила свое, с чрезвычайною настойчивостью. Тогда начальник велел вынуть труп из колодца и показал ей. Действительно, она говорила не зря, но не решалась подойти к трупу, а стояла поодаль и голосила.

— Настоящего злодея уже нашли, — сказал начальник. — Дело лишь в том, что тело убитого не представлено нам полностью. Ты ступай пока домой и жди, пока мы не отыщем головы убитого. Тогда мы тебя известим, а злодея заставим понести кару, искупить свою вину.

Сказав так, он сейчас же вызвал из тюрьмы Ху и крикнул ему:

— Если ты завтра же не явишься ко мне с головой убитого, переломаю тебе кангой ноги!

Ху целый день был в наряде от ямыня ²⁾. Когда он вернулся, начальник допросил его, но Ху стоял, рыдал и только. Тогда начальник велел принести орудия пытки и сделал вид, что собирается его мучить, но мучить все-таки не стал, а сказал так:

¹⁾ Впоследствии известный министр.

²⁾ Канцелярия правителя уезда.

— Я все думаю, что ты в ту ночь, должно быть, нес труп, чересчур торопясь, так что и сам не знаешь, где уронил голову. Как же это ты не поискал как следует?

Ху стонал и умолял начальника, твердя, что все это навет, просил дать ему возможность энергично приняться за розыски головы.

Тогда начальник спросил женщину, сколько у нее детей?

— Детей нет, — отвечала она.

— А есть родственники убитого и кто они?

— Есть только один дядя.

— В таких молодых годах потерять мужа, — вздохнул начальник, — и остаться одинокой!.. Как тут жить?

Женщина заплакала и молила сжалиться над ней.

— Что ж, — сказал начальник, — преступление уже установлено. Только бы, вот, дополнить тело до целого — и дело будет прекращено. А как только оно будет прекращено, можешь сейчас же снова выходить замуж... Ты — женщина молодая, нечего тебе тут ходить по канцеляриям!

Женщина, растроганная вниманием начальника, заплакала, боосилась ему в ноги и сошла вниз.

Тогда начальник вывесил объявление, обращаясь к односельчанам с приглашением помочь вдове найти голову мужа. Прошла ночь — и вот явился в правление односельчанин вдовы некий Ван Пятый ¹⁾ и доложил, что он нашел голову. Начальник допросил его, произвел осмотр и, когда подлинность находки была с очевидностью установлена, дал явившемуся в награду тысячу монет ²⁾.

Затем он вызвал к себе дядю убитого.

— Вот что, любезный, — сказал он, — это большое дело уже кончено. Однако, так как жизнь человека — вещь огромной важности, последний вердикт нельзя произнести прежде чем пройдет несколько лет. Раз у твоего племянника потомства не было, да и молодой вдове, я думаю, трудненько теперь существовать, дай ей поскорее выйти за кого-нибудь замуж.хлопот особенных от этого не выйдет. Разве только, вот, мое начальство может пересмотреть дело и вернуть мне с выговором... Тогда уж ты прими вину на себя!

Дядя убитого этого не пожелал. Начальник вынул пламенный ордер ³⁾, раз и другой, и бросил служителям. Дядя стал опять рассуждать. Начальник кинул еще — и тогда дядя, испугавшись начальника, согласился и вышел.

¹⁾ Неграмотных людей в китайском крестьянстве принято именовать в порядке их появления на свет в семье.

²⁾ Мелких, едва превышавших стоимость 0,1 русской копейки.

³⁾ Бамбуковая планка с ордером об аресте.

Услышав об этом, женщина явилась к начальнику благодарить его за оказанную ей милость. Тот принялся ее ласково наставлять и утешать, проявляя самое полное внимание.

После этого он вывесил объявление о том, что, если кто захочет приобрести себе жену, то пусть приходит в правление и заявит о своем желании. Как только он об этом объявил, сейчас же появился человек с прошением о браке, и это был не кто иной, как Ван Пятый, сообщивший о голове.

Начальник вызвал женщину в суд и спросил ее.

— Ну-с, скажи, ты знаешь настоящего злодея?

Она отвечала, что это Ху Чэн.

— Нет, — сказал начальник, — настоящие-то преступники, это — вы двое, с этим самым Ваном Пятым!

Оба явившиеся пришли в крайнее смятение, но стали энергично отнекиваться, доказывать, что это несправедливый навет, судебная ошибка...

— Я давно уже все это понял, — сказал начальник... — И если медлил с обнаружением дела, то только потому, что боялся, как бы случайно не допустить несправедливости. Теперь, смотрите оба: тело еще не было вынута из колодца, а ты уже определенно уверилась в том, что это твой муж. Как это так? Значит, ты давно уже знала, что он убит. Затем, — торговец и при смерти своей был в рваной одежде, трепаной, старой... Откуда бы у него появиться этим несколькими стам лан серебра? А ты, Ван, — обратился он к мужчине, — откуда мог так хорошо знать, где лежит голова? И почему это ты так заторопился с ней? Да просто потому, что тебе хотелось поскорее сладить свое дело!

У обоих пришедших лица выразили крайний испуг, стали землистого цвета. Как они ни старались, но ни слова вставить больше не могли. Начальник велел заковать их обоих в кангу, и тогда они сказали ему всю правду.

Дело оказалось такое. Ван Пятый давно уже был в связи с этой женщиной и давно уже замышлял убить ее мужа. А тут возьми да подвернись шутовская выходка Ху Чэна...

Начальник освободил Ху. Фыну за ложный донос он дал основательное количество бамбуковых палок и выслал его из области на три года.

Так и закончилось это дело, в котором ни один человек не был несправедливо казнен.

ПРИГОВОР НА ОСНОВАНИИ СТИХОВ

Цинжоуский ¹⁾ обыватель Фань Сяошань торговал вразнос писчими кистями ²⁾. Раз он ушел с товаром и домой не возвращался. Дело было в четвертой луне ³⁾. Жена его, урожденная Хэ, легла спать одна и была убита грабителем.

В эту ночь моросил мелкий дождь... В грязи был обронен веер с написанными на нем стихами. Оказалось, что это некий Ван Чэн дарил веер и стихи некоему У Фэйцину ⁴⁾. Кто такой Ван Чэн, было неизвестно, но У был известный своею зажиточностью обыватель, родом из Иду, но земляк Фаня. Этот У всегда отличался легкомысленным поведением, так что все односельчане отнесли к находке с доверием.

Начальник уезда велел его арестовать и стал допрашивать, но У свою вину упорно отрицал. Однако его заковали в тяжелые колодки и делу дали окончательный ход. Пошли ходить бумаги то критикующие, то разъясняющие, но, пройдя инстанций с десятью, все-таки иного суждения не выработали.

У решил, что ему придется умереть, и велел жене истратить все, что у них есть, на помощь его одинокой душе. Тем, кто явится к воротам дома и произнесет „Будда“ ⁵⁾ тысячу раз, он велел давать теплые штаны, а тем, кто дойдет до десяти тысяч ⁶⁾ — теплый

1) „Чжоу“ значит — область. Следовательно, для разгрузки перевода от трудных собственных имен можно было бы с удобством его избежать и сказать просто „Цинский“, если бы не разнообразие китайской географически-административной номенклатуры, входящей у европейских писателей о Китае в текст полностью (Сиань Фу, Цзинин Чжоу, Цзиндэ Чжэнь, Хэфэй Сянь и т. п.).

2) Старый Китай, как известно, писал исключительно кистью, насыщенно в растворе туши.

3) По европейскому календарю точного соответствия этому месяцу установить нет возможности, в виду известных неудобств лунного календаря, считающего год то в двенадцать, то в тринадцать месяцев. Приблизительно в этом месяце в северном Китае (где происходит действие рассказа) начинается настоящая весна. Календарная же совпадала с новым годом, временем лютой стужи (по масштабу Китая, разумеется).

4) На веере китайцы любят рисовать картины и писать стихи, упражняя свои художественные дарования во всех отраслях. Веера, обыкновенно, в таком случае дарят друзьям или знакомым, при чем пишут в лестных выражениях имя и соответственную квалификацию адресата, вместе со своей самоуничижительной подписью.

5) Вернее, имя Будды Амитабы, спасителя людей (по-китайски это звучит на севере: Омитофо). Бесконечное повторение этого обращения к Будде соответствует многократным „господи, помилуй“ в христианских церквях.

6) Религиозное изуверство доходит, как известно, до так называемых „молитвенных мельниц“, на которых начертано обращение к Будде, с каждым оборотом цилиндра зачитываемое, как произнесенное фактически.

халат. И вот, у дома У стал толпиться целый базар нищих. и на десятки ли ¹⁾ раздавались призывы Будды. От этого дом стал быстро беднеть. Каждый день то и дело занимались продажей земли и хозяйственного добра для покрытия расходов по расчету с причитавшими.

У тайно подкупил одного из тюремных смотрителей, велел ему приобрести яду, но в ту же ночь он видит во сне какое-то божество, обратившееся к нему со следующими словами:

— Не умирай! Тогда было несчастье извне, а теперь будет удача внутри.

Уснул еще раз — и опять те же речи. Тогда У своего намерения покончить с собой не осуществил.

Вскоре после этого прибыл на должность начальника почтеннейший Чжоу Юаньлян ²⁾. При регистрации уголовных преступников он дошел до дела У и, повидимому, над чем-то задумался.

— Вот тут, — спросил он, — некий У убил человека... А какое тому было заслуживающее доверия свидетельство?

Позвали Фаня (сына). Тот сказал, что веер — вот доказательство. Начальник стал внимательно разглядывать веер.

— А кто такой этот Ван Чэн? — спросил он.

— Не знаю, — сказал Фань.

Начальник взял дело и внимательно его пересмотрел, после чего сейчас же распорядился снять с У колодки и из тюрьмы перевести его в хлебный магазин ³⁾.

Фань стал энергично протестовать.

— Ты что ж, — кричал он всердцах, — хочешь, чтобы человека убили здорово живешь, и, кончив на этом, от дела отойти? Или, быть может, ты хочешь, чтобы тот „достал своего врага и сердце на нем усладил“? ⁴⁾

Всем, вообще, показалось, что почтенный начальник выказал в отношении к У пристрастность, но, конечно, никто ничего не посмел сказать.

Тогда начальник дал собственноручно подписанный наряд на немедленное задержание хозяина одной лавки в южном предместье города ⁵⁾. Тот испугался, совершенно не понимая, в чем дело.

¹⁾ Около 5 верст.

²⁾ Современник автора этих рассказов.

³⁾ Может быть, для кормления, как студента.

⁴⁾ Т. е. чтобы У, которому я теперь выдан головой, и меня убил бы, со злорадством и удовлетворением.

⁵⁾ Торговая улица у ворот, ведущих в город. Здесь же помещается гостиница для приезжающих.

Когда он явился в управление, начальник обратился к нему с вопросом:

... Начальник бросил ему вниз веер и велел самому посмотреть.

— Вот что, любезный: у тебя в лавке на стене есть стихи некоего Ли Сю из Дунхуаня. Когда они были написаны?

Лавочник в ответ на это сказал, что эти стихи написаны и оставлены у него в лавке какими-то студентами-кандидатами ¹⁾ (их было не то двое, не то трое), которые сидели и пьянствовали перед прибытием на экзамены окружного инспектора. Дело это было уже давно, и лавочник сказал, что не знает, где живет автор этих стихов.

После этого начальник отправил служителей в Жичжао, чтобы арестовать Ли Сю, как обвиняемого, на дому. Через несколько дней Сю был доставлен.

— Слушай, ты, — обратился к нему начальник гневным тоном, — раз ты ученый кандидат, то как же это ты замыслил убить человека?

Сю бухнул в ноги в совершенном недоумении и растерянности... Все, что он мог сказать, было: — Нет, не было этого!.. Начальник бросил ему вниз ²⁾ веер и велел самому посмотреть.

— Ясно, кажется, — добавил он, — что это твое сочинение. Зачем же ты обманным образом приписал это Ван Чэну?

Сю стал внимательно разглядывать стихи:

— Стихи, — сказал он, — действительно, сочинение вашего почерка, но знаки, правду говорю и серьезно, писал не я.

— Ну, раз ты признал, что это твои стихи, — сказал начальник, — то это, должно быть, кто-то из твоих друзей. Кто писал? — говори!

— Почерк, — отвечал студент, — как будто похож на руку Ван Цзо из Ичжоу! ³⁾

Начальник немедленно командировал своих служителей с печатью арестовать Ван Цзо. Когда того привели, начальник принял его с гневным окриком точно так же, как и Сю.

— Эти стихи, — сказал в ответ Цзо, — попросил меня написать торговец железом в Иду, некий Чжан Чэн. По его словам, Чэн ⁴⁾ — его двоюродный брат.

— Вот он, негодяй, где! — воскликнул начальник и велел схватить Чэна ⁵⁾.

¹⁾ По-китайски: сюдай, первая учено-литературная степень, свидетельствующая о грамотности молодого начетчика.

²⁾ Начальник-судья сидит на возвышении в глубине залы, ответчик стоит перед ним на коленях.

³⁾ Речь идет все время о соседних местностях.

⁴⁾ Т. е. Ван Чэн, именем которого подписаны стихи.

⁵⁾ Надо иметь в виду, что оба слова Чэн, являющиеся в русской алфавитной передаче тождественными, в китайском иероглифическом изображении существенно друг от друга отличаются и, следовательно, являются не более схожими, чем наши слова: вол — вел, был — бил и т. п. — Таким образом, этот Чэн есть Чжан Чэн, а не Ван Чэн.

При первом же допросе тот повинился.

А дело было, оказывается, так. Чэн высмотрел, что Хэ хороша собой, и захотел ее вызвать на близость. Однако, боясь, что дело не выйдет, решил воспользоваться именем У, считая, что на этого человека все подумают с уверенностью. С этой целью он подделал веер так, чтобы он казался принадлежащим У, и с ним направился к женщине. Удастся, — рассуждал он при этом, — назовусь. Не удастся, — я, как говорится, отдам свое имя замуж за У ¹⁾. В сущности говоря, он не ооасчитывал, что дело дойдет до убийства.

И вот, он перелез через стену, вошел в комнату и начал к женщине приставать. Та, оставаясь одна на ночь, всегда держала для самообороны нож. Она проснулась, ухватила за одежду Чэна и встала, держа в руке нож. Чэн струсил и вырвал нож у нее из рук, но женщина изо всех сил тащила его, не позволяя ему вырваться, и все время кричала.

Чэн, теряясь все более и более, убил ее, а сам убежал, бросив веер на землю.

Таким образом, несправедливая кара, тяготевшая над человеком три года, была в одно прекрасное утро смыта до снежной белизны. Не было человека, который не превозносил бы эту сверхчеловеческую прозорливость начальника, и теперь только У понял, что слова „внутри будет счастье“ — не более, как знак „Чжоу“ ²⁾. Однако, как все это произошло, разгадать он не мог.

Некоторое время спустя, кто-то из местной знати, улучив удобную минуту, просил Чжоу объяснить это дело. Чжоу улыбался.

— Понять это, — сказал он в ответ, — было в высшей степени просто. Я, видите ли, внимательно просмотрев все производство по этому делу, обратил внимание на то, что Хэ была убита в первых числах четвертой луны, что эта ночь была темна, шел дождь, и было все еще холодно. Значит, веер для этой ночи не являлся необходимой принадлежностью. Неужели ж, когда человек спешит и дорожит временем, ему придет в голову, вопреки всяким требованиям рассудка, брать этот предмет для того только, чтобы он еще более связывал ему руки?

¹⁾ Переводчик пытается дословно передать литературное китайское выражение для понятия „действовать под чужим именем“.

²⁾ Знак Чжоу, которым пишется фамилия действующего здесь начальника, состоит из обхвата, внутри которого, действительно, знак *ци* — „удача“. Конечно, подобное рассечение знака ничего общего с научным его представлением не имеет и употребляется китайскими авгурами для своих целей.

Сообразив все это, я догадался, что тут кому-то сватается беда.

Далее, как-то давно уже я проезжал по южному предместью и, зайдя в лавку от дождя, увидел на стене стихи. Их, так сказать, „углы рта“¹⁾ напоминали те самые, что были на веере. Я воспользовался этим сходством, чтобы наудачу допросить студента Ли, и что ж? — оказалось, что этим самым я накрыл настоящего злодея. Удачно, значит, попал — счастье мое...

Слушавший эти речи вздохнул и выразил Чжоу свое почтение.

ТАЙЮАНЬСКОЕ ДЕЛО

В Тайюане жила семья простых людей, в которой и свекровь, и невестка обе вдовели.

Свекровь была женщина средних лет, сохранять себя в целомудрии не умела, так что один из беспутных односельчан частенько к ней наведывался.

Невестка, не одобрявшая подобного поведения, становилась незаметно у дверей или у забора и не пускала гостя. Свекровь брал стыд, и вот она, под каким-то предлогом, выгнала невестку из дома, но та не ушла, и ссоры усилились.

Тогда свекровь, пылая гневом, пошла к правителю уезда и сделала ложный донос, обвиняя невестку как раз в том самом, в чем та винила ее.

Правитель спросил, как имя и фамилия блудника.

— Да он приходит к ней ночью, и ночью же уходит, — отвечала свекровь. — Я, по правде сказать, не знаю, кто он и что он. Спросите невестку: та, наверное, знает!

Правитель вызвал невестку. Та действительно знала, о чем спрашивали, но обвинение в разврате вернула по адресу свекрови.

Женщины принялись свирепо спорить. Тогда правитель велел схватить беспутного блудника.

Тот явился, но стал кричать и отвергать обвинение.

— Ни с той, ни с другой я не связывался, — кричал он, — просто, знаете, обе эти вдовы не могут друг друга терпеть: вот и взводят на меня напраслину — совершенно зря!

— Послушай, — возразил правитель, — в селе сотня мужчин; почему это вдруг оклеветали одного тебя?

¹⁾ Общий характер, словоупотребление и проч., оставшиеся в памяти наблюдательного человека.

И велел ему всыпать палок побольше. Блудник бросился в ноги и умолял избавить его от наказания, при чем сознался, что он в связи с невесткой.

Правитель велел надеть ей шейный хомут, но та не признала за собой вины. Тогда правитель просто выгнал ее вон.

Невестка, кипя гневом, подала жалобу губернатору. Но тот постановил попрежнему, и так долгое время окончательно это дело не было разрешено.

Затем сюда, в Линцзинь¹⁾, был назначен губернатором доктор²⁾ Сунь Люся, выказавший свои способности к разрешению тяжб и уголовных дел. В виду этого дело, о котором здесь речь, направили к нему в Линцзинь. Привели подсудимых и прочих людей. Господин Сунь сделал беглый допрос, подержал их некоторое время в тюрьме, а затем велел приказным служителям запасти кирпичей, ножей и иголок, нужных — по его словам — при свидетельских показаниях. Все недоумевали, что это означает.

— Для строгих кар, — говорили вокруг, — существуют, как известно, канги, хомуты, колодки. Как это он хочет решить дело не общеуголовным порядком наказаний?

И не понимали, что у него на уме. Однако, что бы там ни было, приготовили все, чего он требовал.

На следующий день правитель поднялся в залу суда и, удостоверившись, что все эти вещи налицо, велел разложить их в самом зале. Затем велел позвать виновных и вкратце допросил их по всем пунктам обвинения. После этого он обратился к обоим женщинам так:

— В вашем деле нет надобности доискиваться ясности и определенности. Хотя и не дознано окончательно, кто из вас блудная вдова, но зато ясно, кто блудник. Ваша семья, в сущности, семья чистых нравов. Просто вас как-то совратил с пути-истины негодяй, так что вся вина на нем. Вот здесь перед вами ножи, кирпичи и прочее. Возьмите, что хотите, бейте его, убивайте!

Свекровь и невестка нерешительно переминались, боясь навлечь на себя преследование и месть, но правитель, видя их колебания, сказал им:

— Да вы не беспокойтесь: я ведь тут!

Тогда и свекровь, и невестка вскочили с колен и, схватив кирпичи, принялись швырять в мужчину одна за другой. Невестка, давно таившая к этому человеку ненависть, обеими руками схва-

¹⁾ В той же губернии Шаньси.

²⁾ Доктор литературы, выдержавший все положенные государственные экзамены и беспрекословно допускаемый к государственным должностям, вследствие чего он и именовался „поступающий на службу“ (цзинь ши).

тила огромную кирпичину и жалела, повидимому, только о том, что не убила его одним ударом. Свекровь же брала лишь мелкие камешки: бросит ему в ляжку или ягодицу — только и всего.

太原獄
 巫峰一曲兩雲迷
 掃何堪久劫錫
 勇性相形在實判
 長官双目批木犀

Невестка схватила огромную кирпичину...

Тогда правитель велел им взять по ножу. Свекровь опять замялась. Правитель остановил их.

— Я знаю, — сказал он, — кто из вас блудница!
И велел задержать свекровь, наложив на нее жестокие колодки.
Тут же он все и дознал. Дело было закончено.

СИНЬЧЖЭНСКОЕ ДЕЛО

В бытность доктора литературы Ши Цзунъюя синьчжэнским губернатором случилось следующее. Некий Чжан, приезжий откуда-то издалека, где он был по торговым делам, захворал и захотел вернуться домой. Так как он не мог ни сесть верхом, ни итти пешком, то нанял тачку. При нем было тысяч пять лан. Двое возчиков тащили его.

Добравшись до Синьчжэна, возчики ушли на рынок ужинать, а Чжан остался сторожить свои деньги и лежал в тачке один одишешенок. Один из местных жителей, скажем А, проходя мимо него, оглядел его и, заметив, что вокруг не было ни души, отнял деньги и убежал.

Чжан сопротивляться не мог, но, преборов болезнь, вскочил и побежал за ним следом. Грабитель бросился в деревню, Чжан за ним, — тот вбежал в какой-то дом. Чжан не осмелился туда проникнуть, но лишь подсматривал за А через низкий забор.

А сложил с плеч ношу, оглянулся и, увидев, что за ним наблюдают, рассвирепел и задержал Чжана, как вора, затем, связав его, явился к господину Ши и рассказал об обстоятельствах задержания. Начальник спросил Чжана. Тот изложил всю свою обиду. Начальник, видя, что никаких серьезных улик во всем этом нет, крикнул им, чтоб убрались.

Оба человека вышли из зала, говоря, и тот и другой, что этот судья не знает ни черного, ни белого. Но начальник пренебрег их словами, словно не слышал их. Потом он ясно вспомнил, что за А давно уже были дела по недоимкам. Он ограничился тем, что отправил служителя с поручением разыскать с него строжайшим образом.

Через день он, оказывается, внес три ланы серебром. Господин Ши вызвал его к себе и спросил, откуда появились эти деньги. А отвечал, что он заложил одежду и кое-что продал, в подтверждение своих слов перечислив все это и поименовав. Начальник послал служителя канцелярии посмотреть, нет ли среди вносящих подати людей какого-либо односельчанина А. Оказалось, что среди них был как раз сосед А. Начальник велел сейчас же его вести.

— Ты, как близкий сосед А, — обратился к нему начальник, — должен, конечно, знать, откуда у него деньги.

... Увидев, что за ним наблюдают, расsvирепел...

— Не знаю, — отвечал сосед.

— Ну, раз сосед не знает, — сказал Ши, — то происхождение денег темновато.

А испугался и, поглядев на соседа, сказал:

— Я заложил (он сказал какие) вещи, я продал он назвал какие) предметы, — разве ты не слыхал об этом?

— Да, да, — поспешил заговорить сосед, — конечно, я об этом слыхал!

Господин Ши рассердился.

— Ну, ты, наверное, такой же грабитель, как А. Не иначе, как надо основательно тебя проучить.

И велел дать ему хомут.

Сосед сильно испугался.

— Я, видите, — заявил он, — по соседски не смел вызвать в нем неудовольствия. Но раз меня теперь самого настигает кара, то чего мне тут скрывать? Скажу прямо и по всей справедливости: все, что он говорит, куплено на деньги, отнятые грабежом у Чжана!

После этого он был отпущен. Чжан, потерявший свои деньги, все не мог ехать домой. Начальник обязал А все ему вернуть.

Таких историй у Ши было очень много. У него, видно, душа лежала к правлению людьми по-настоящему.

Перевел с китайского

В. М. Алексеев.